

Вагиф СУЛТАНЛИ

Мираншах устроил грандиозный меджлис, чтобы послушать новое произведение известного композитора Абдулькадира Марагаи, которого так высоко оценивал Амир Теймур и который прославился на всем Востоке. Когда он, месяц назад, представив рукопись написанного произведения, робко заявил о желании устроить такой меджлис, повелитель с удовольствием разрешил свое согласие; с тех пор в саду дворца началась невиданная до сей поры подготовительная работа. Приглашенные во дворец самые умелые мастера Тебриза обустраивали сад заново. Восстановительные работы и ремонт, который продлился больше двух месяцев, изменили внешний вид сада до неузнаваемости.

Сейчас разноцветные сорта декоративных деревьев, окружающих сад, очаровывали, перемешавшийся волшебный запах цветов изумлял. Висящие на узорчатых деревянных столбах вдоль террас между цветочными кустами фонари освещали ночь, рисунчатые Тебризские ковры, застеленные на террасах, уносили в мир грез, тех, кто вступал в сад. Немного позже тихий звук музыки, извещающий о начале меджлиса, придал саду загадочность, волшебство.

На самом деле кутежные меджлисы устраивались часто, но впервые дворец был украшен так роскошно и со вкусом. Причина этого была известна всем: новое произведение композитора было посвящено внуку Амира Теймура, сыну Мираншаха Султану Халилу.

Прошлым летом Мираншах послал сына, вступившего в подростковый период, в Мавереннахр, к Амиру Теймуру. Его целью было открыть сыну глаза, помочь ему познать тайны покорения и защиты царства у деда. Немного спустя, отец сообщил Мираншаху, что Султан Халил влюбился в одалиску из дворца, в Шадимюлк и не интересуется царскими делами, советовал ему на время забрать его к себе в Тебриз. Мираншах так и сделал. Сейчас уже более двух месяцев, как Султан Халил находится в Тебризе. Несмотря на то, что он каждый день настойчиво заявлял о своем желании вернуться в Самарканд, Мираншах под каким-либо предлогом отговаривал его, думал, что со временем все решится. Меджлис этот, устроенный во дворце, был придуман с целью как бы утешить Султана Халила, чтобы он забыл про свою любовь к одалиске.

Уже несколько дней как Абдулькадир релетировал с неиссякаемым беспокойством, неоднократно воспроизводил произведение с исполнителями, не

скрывающими свое восхищение красотой музыки. Каждый раз, прерывая музыку в каком-то определенном месте исполнения, добавлял новые моменты, новые поправки, делал все, что в его руках, чтобы превратить композицию в безукоризненное произведение искусства.

Но внутреннее беспокойство его не покидало, связывало ему руки, прибавляло волнение, чтобы он не делал, не мог взять себя в руки: "Смогут ли музыканты исполнить произведение как он того хочет? Главное, после всей этой подготовки понравится ли оно повелителю?" - ответы на все эти вопросы, адресованные самому себе, будут ясны в скором времени.

От того, что музыка была посвящена любимому сыну, прибывший в меджлис вместе с дворцовой свитой Мираншах, прежде чем подняться на трон, сооруженный во главе сада, подоидя к

НАВАИ-ГУМРУ

исполнителям, поздоровался с ними. Наблюдая приход повелителя издалека, исполнители в голубых халатах и позолоченных фесках, стоя, ожидали его. Мираншах лично знал каждого из дворцовых музыкантов, одетых в одинаковые наряды, кроме одного - приглашенного по настоянию композитора для исполнения произведения певца. На самом деле же причиной встречи повелителя с музыкантами, перед тем как сесть на трон, было знакомство с певцом.

Растерявшийся от встречи с Мираншахом молодой, худощавый, смуглый певец, опустившись на колени, склонил голову перед правителем.

Мираншах разрешил ему встать.

- Сынок, ты с какой части Азербайджана? - спросил он.

Не поднимая головы, певец произнес:

- Из Мараги.

- Ты тоже из Мараги?

Абдулькадир подошел поближе:

- Повелитель, каждый, кто родился в Мараге, имеет такой прекрасный голос... - композитор хотел еще что-то сказать, чтобы закончить свою мысль, но не смог найти соответствующие слова.

Отпустив певца, Мираншах взял Абдулькадира под руку и пошел к трону в окружении свиты, сопровождавшей его. После того как повелитель сел на трон, музыканты заняли свои места на ковре напротив него.

С правой стороны от повелителя сидел его сын Султан Халил. С левой стороны на стуле возле трона сидел композитор, все внимание которого было направлено на исполнителей; они спокойно настраивали инструменты, ждали знак композитора, чтобы приступить к исполнению.

Остальные присутствующие на пирушке сидели на постеленных в саду коврах. Опрятно одетые слуги с серебряными кувшинами раздавали гостям душистый шербет, красное вино, предлагали разные лакомства, благоухаю-

щие кардамоном, гвоздикой, имбирем.

С позволения повелителя композитор подал знак исполнителям, и изысканный звук музыки нарушил тишину вечера.

Соответственно традициям дворцовых меджлисов сначала прозвучала музыка в честь Амира Теймура, затем Мираншаха, далее танцовщицы продемонстрировали свой танец.

После небольшого перерыва объявили об исполнении "Наваи-Гумру" в честь Султана Халила, которого все так ожидали; в одно мгновение в саду наступила мертвая тишина. Как только прозвучал необыкновенный голос исполнителя в сопровождении музыки, меджлис как будто заколдованный волшебством этого голоса полностью ушел в себя.

Звук уда изнывал подавленным стоном, как будто доносился из-под земли, стон сантури, слившись со звонким

звучком канона, создавал необыкновенную гармонию. Певец пел так страстно, что его голос проникал в сердце слушателя, вырывал душу из тела.

В прекрасном дворцовом саду все было подчинено гармонии музыки. Сплетенный магией, очарованием этой гармонии меджлис ничего не видел, не слышал, не ощущал. Звуки музыки, струясь по капельке из струн, впитывались в объятия темноты, поглаживали душу ножи.

Это было одно из самых великих произведений искусства, которое когда-либо создал Абдулькадир, необыкновенное исполнение песни и его, как всех, погружало в думы, уносило в мир, который он не мог познать, раскрыть тайны.

На самом деле, хотя Абдулькадир адресовал эту песню Султану Халилу, в ритме, звуках музыки он показывал горькую участь своего народа, который приговорен к невыносимым мукам. Но слова были обычными, выразить это словами было опасно, это могло стоить ему жизни, поэтому все, что сказано, было впитано в ритм, звуки музыки.

Абдулькадир познал любовь Гумру в ранние годы своей жизни, как неожиданное дуновение ветра, но всегда старался отдалить от себя печальные мечты этой любви, которая закончилась трагедией. Как же была похожа эта красавица, которую он никогда не называл по имени, на Гумру - нежный птенчик...

Поначалу он не хотел возвращаться к этой божественной любви, не хотел вспоминать Гумру, он испугался этой любви, волнения, которое оно породило. Убежал, думая, что не достоин ее любви, не сможет ей ответить, пытался все забыть, обмануть себя, свое будущее, считая, что такой любви не может быть...

Только потом, спустя некоторое время он понял, что это невозможно. В те годы, когда он жил в Самарканде, любовь к Гумру не позволяла ему

заснуть; тоска по родине, близким появлялась в цвете, в запахе, в одежде девушки, и это его волновало, огорчало и навевало грусть.

Начал искать Гумру повсюду, спрашивал у тех, кто знал, видел ее, объездил от Самарканда до Багдада, Ардебилля в надежде найти ее, но никто ничего не знал. Как будто она вовсе не рождалась и вообще не появлялась на этот свет...

Вот так произведение, которое он посвятил внуку Амира Теймура, сам того не зная, превратилось в "Наваи-Гумру".

Абдулькадир не сочинял эту песню, взяв в руки перо, эта музыка лилась из его души, сердца, зародилась как волшебство, как чудо божественное. Отделив от себя чувства, он превратил их в звук, ритм и гармонию. Это была не песня, не музыка, ее невозможно было слушать, она трогала душу того, кто слушал ее, напоминала, что он человек, который родился, чтобы горевать, и до смерти страдать от горя. Теперь каждый, кто слушал ее, чувствовал скрывавшийся в ее ритме, звуке, гармонии божественную любовь, и не мог скрывать свое восхищение величием, великолепием, могуществом этой любви.

Композитор не знал о существовании красавицы Гумру, которая, сидя у окна за плотной занавесью в темной комнате гарема, находившегося вблизи дворцового сада, прочувствовала в душе эту музыку. Не знал, что любовь, которую он искал годами, находится так близко.

Не знал, что девушка, которую взволновал этот звук, как будто чувствовала, что она посвящена ей, она трепетала от какого-то тайного волнения, хотела вырваться из объятий ночи, одиночества и слиться с музыкой, чтобы растворить в ее гармонии свое разочарование, тоску.

Обо всем этом он не знал и не знает...

* * *

Присущая жестокость, годами видневшаяся на лице Мираншаха, исчезла в одно мгновение, подчинившись могуществу этой божественной музыки, а вместо этого появились мягкие, незлобивые черты лица. Музыка проникла в его душу настолько глубоко, что уставившись в пустоту, он будто ничего не видел и не слышал.

- Интересно, как сложится наша судьба? - слова, которые вымолвил Мираншах, вспугнули Абдулькадира. - Его ли повелитель просил о спасении?! Господи, что значат эти слова!

... Вдруг Мираншах сердито встал с трона, и этим музыка прервалась. Глаза, ничего не понимающих гостей, еще не очнувшихся от музыки, уставились на повелителя.

Мираншах все еще не пришел в себя, божественная музыка держала его в плену. Музыка проникла в его душу, в сердце, в самые тайные места его внутреннего мира, перемешала его прошлое и будущее.

Как только музыка остановилась, в меджлисе воцарилась мертвая тишина. Мираншах повернулся к композитору, который стоял рядом с ним.

- Абдулькадир, кому ты посвятил эту песню?

От этого неожиданного вопроса композитор полностью растерялся, на самом деле еще недавно он замечал что черты, менявшиеся на лице Мираншаха, говорили о том, что он вошел в мир необычных грёз. "Интересно, почему повелитель задал этот вопрос? Разве он не знает, кому посвящена эта песня? Еще месяц назад сказал, что песня написана в честь Султана Халила. Если не знал, то тогда почему организовал эту роскошь, этот меджлис? Нет, этот вопрос не похож на обычный".

Несмотря на то, что неожиданный вопрос Мираншаха вспугнул его, он собрался духом и ответил:

- Написал в честь Султана Халила, повелитель!

Вдруг лицо Мираншаха изменилось:

- Как ты смеешь лгать мне!

Абдулькадир растерялся от этого неожиданно обвинения, побледнел, замолчал, не зная что ответить.

- Ты не сочинял эту песню, думая о Султани Халиле!

...

- Это произведение о любви.

В меджлисе воцарилась тишина, все, затаив дыхание, ждали конца этого разговора. Гости были в растерянности от того, что великий мастер подвергнется гневу Мираншаха.

Мираншах, не получив ответа на свой вопрос, поднялся на трон.

- Будь проклят шайтан, - сказал и повернулся к Абдулькадиру, и заявил, что хочет еще раз послушать эту песню.

Внезапно музыка, возвышавшаяся с новой гармонией, немного сняла напряжение, повелитель успокоился и композитор, немного подбодрившись, пришел в себя.

* * *

Написанная в честь Султана Халила музыка унесла его далеко, вновь пробудила тоску, которая утихомирилась с помощью советов отца. Начал пылать огонь любви по Шадимулк, которую он оставил в Самарканде. "Как почувствовал Абдулькадир прожитое им, как вошел в глубину его души? Как будто кто-то рассказал обо всем композитору. Ах, если бы и Шадимулк послушала эту музыку".

Он хотел вырваться из угнетающих его вопросов, поняв, что больше не может терпеть эту разлуку, искал пути. "Интересно, что сейчас Шадимулк без меня делает?" Дедушка хотел убить ее, но он смог спасти свою любимую от смерти. На кого он ее оставил? Почему он так поступил? Нет, нет, этого Шадимулк ему никогда не простит. Даже он сам не сможет простить себя.

Султан Халил встал и незаметно покинул меджлис. Музыка околдовала его душу, его сила, могущество взбушевали. Теперь ничто не может быть ему помехой, ничто не сможет закрыть его путь к любимой.

Тайными дорогами он вышел из дворца и оседлал коня. Во весь опор помчался в направлении Самарканда, манящего его, как колдовство.

... После того как музыка закончилась, когда Мираншах повернулся направо, чтобы узнать мнение Султана Халила, не увидел сына на месте. Предчувствуя что-то, он сразу позвал хафиябаши и спросил о сыне.

Когда вернувшийся в мгновение ока хафиябаши сообщил ему, что Султан Халил, сев на коня, покинул дворец, повелителю все стало ясно и он приказал охране закрыть все дороги, выходящие из города и вернуть его сына.

Но все это было напрасно; у коня Султана Халила как будто появились крылья.

Баку - Гамбург, 2005 г.

Перевод Лилии ГЕРАЙЗАДЕ